

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).084.3.5.6

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2019-1-211-232>

Общественно-политические настроения енисейского крестьянства (1920–1929 гг.)

© А.П. Шекшеев

Хакасская республиканская организация «Общество Мемориал», Красноярская Епархиальная комиссия по канонизации святых и церковно-историческому наследию, г. Абакан, Республика Хакасия, Российская Федерация

Аннотация: Данная статья посвящена освещению актуальной в исторической науке теме. Выявление общественно-политических настроений крестьянства 1920-х гг. осуществляется на материалах одного из сибирских регионов – территории, бывшей до середины этого периода Енисейской губернией, а затем – пяти округов Сибирского края. Важнейшим источником являлись выявленные спецслужбами крестьянские отклики на происходящее, частично известные по ряду документальных публикаций, а более того, обнаруженные автором в архивохранилищах и представленные здесь впервые. Исследование показало, что на большой территории с плохими коммуникациями, изолированными населенные пункты, настроения крестьян были зависимы от обстановки в сельской общине. С установлением же советской власти, которая возлагала на деревню особые трудовые обязанности и распространяла новшества жизни и управления, они развивались под воздействием её политики. Как и в других местностях Сибири, жизненное восприятие крестьянством текущего момента было хаотично. Настроения крестьян быстро менялись, палитра их стала более разнообразной: равнодушие при встрече с большевиками сменилось резкой враждебностью, вызванной насилием: ненависть одних сталкивалась с просоветской ориентацией других. В общественном сознании крестьян наблюдалось переплетение традиционных черт с новациями, вызванными политической ситуацией.

Ключевые слова: деревня, коммунисты, крестьянство, налог, настроения, община, повинности, посев, Советская власть, сход, хлеб

Информация о статье: Дата поступления 26 сентября 2018 г.; дата принятия к печати 22 октября 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 марта 2019 г.

Для цитирования: Шекшеев А.П. Общественно-политические настроения енисейского крестьянства (1920–1929 гг.). Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 211–232. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-211-232.

Socio-political mood of the peasantry of the Yenisei (1920-1929)

© Aleksandr P. Sheksheev

Khakass Republican Organization “The Society of Memorial”, Krasnoyarsk Diocesan Commission on Canonization of Saints and Church Historical Heritage, Abakan, Republic of Khakassia, Russian Federation

Abstract: This article is devoted to such relevant topic in historical science as the identification of socio-political mood of the peasantry of the 1920s based on the materials of one of the Siberian regions – the territory that was until the middle of this period, the Yenisei province, and then became the five districts of the Siberian region. As most important source were the peasant responses to the events revealed by the special services, partially known for a number of documentary publications, and moreover discovered by the author in the archives and presented here for the first time. The study showed that in a large area with poor communications, isolating settlements, the mood of the peasants were dependent on the situation in the rural community. With the establishment of the Soviet Power, which imposed on the village special labor duties and spread the innovations of life and management, they developed under the influence of its policy. As in other areas of Siberia, the life perception of the peasantry was characterized by chaos. The mood of the peasants quickly changed, their palette became more diverse: indifference at the meeting with the Bolsheviks was replaced by sharp hostility caused by their violence, and soon the

hatred of some people coexisted with the Pro-Soviet orientation of others. In the public consciousness of the peasants there was an interweaving of traditional features with innovations caused by the political situation.

Keywords: village, the Communists, the peasants, tax, mood, community, service, culture, the Soviet government, assembly, bread

Article info: Received September 26, 2018; accepted for publication October 22, 2018; available online March 28, 2019.

For citation: Sheksheev A.P. Socio-political mood of the peasantry of the Yenisei (1920–1929). *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*, 2019, vol. 15, no. 1, pp. 211–232. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-211-232.

Будучи важнейшим показателем состояния общества и свидетельствуя о соответствии политики государства его интересам, общественно-политические настроения основного населения страны – крестьянства во многом определяли перспективы построения советского государства.

Изучение настроений сибирской деревни 1920-х гг., начатое еще в советское время (Хенкин, 1974. С. 38–46; Шишкин, 1982. С. 20–28), на рубеже столетий продолжилось исследованием её социально-психологического облика и политической направленности крестьянских восстаний (Кузнецов, 1992; Третьяков, 1994. С. 90–100; К характеристике..., 1996. С. 5–62). Оно показало зависимость настроений села от государственной политики, массовость и антикоммунистический характер повстанчества начала 1920-х гг. (Бурдина, 2002¹; 2006. С. 168–176; 2017. С. 28–33; 2018. С. 32–40). Затем исследование охватило более широкий круг крестьянских настроений всего периода, предшествующего коллективизации (Шуранова, 2003а. С. 24–30; 2003б. С. 91–95; 2004. С. 184–194; 2005. С. 231–241; 2006. С. 95–114; 2007а. С. 61–75; 2007б. С. 70–78). В публикациях утверждалось, что возникшие при вторжении государства в жизнь деревни восстания не были проявлением сформированного общенационального сознания. Имевшие место вспышки протеста сменялись раскаянием крестьян и переходом части их на советские пози-

ции. В то же время сохранялось отчуждение между крестьянством, озабоченным хозяйственными делами, и сельскими коммунистами. Отдельным предметом исследования стало отношение к власти и политике в деревне крестьянской бедноты.

Между тем в указанных публикациях больше рассматривались взаимоотношения крестьян с советской властью или облик деревни. При этом изучение её настроений осуществлялось сугубо в территориальных рамках Западной Сибири и часто носило фрагментарный характер или охватывало только восприятие крестьянами государственной налоговой политики, советов и коммунистов.

Естественно, что такой подход не исчерпывает проблематику заявленной темы и заставляет нас обратиться к рассмотрению её на материалах конкретного сибирского региона на протяжении всех 1920-х гг. Всего убедительнее для изучения данного вопроса являются свидетельства самих участников событий – голоса из прошлого. Выявленные спецслужбами крестьянские отклики на происшедшее, частично известные по ряду документальных публикаций, а более того обнаруженные нами в архивохранилищах и представленные здесь впервые, используются в качестве множественных иллюстраций.

Енисейская деревня встретила советскую власть в 1920 г. в основном с равнодушием. «Нам все равно, белые или красные, – говорили крестьяне, – все равно, тем давай и другим давай, а нам ничего»². Лишь ближе к весне возникло их недовольство аннулированием новыми властями «сибирок» – ассигнаций белого правительства, ис-

¹ Бурдина Е.Н. Общественно-политические настроения крестьянства Западной Сибири, 1920–1921 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 23 с. / Burdina E.N. Socio-political mood of the peasantry of Western Siberia, 1920–1921.: Thesis of the dissertation ... for Candidate of Science (History). Moscow, 2002, 23 p.

² Здесь и далее орфография подлинника сохранена.

пользованием в создаваемой милиции «старых» работников и бесконечными фуражными изъятиями для нужд Красной армии (ГАНУ. Ф. Р.-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 69 об.; ГАКК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 1; Д. 82. Л. 17).

Большие территории и плохие коммуникации, изолировавшие населенные пункты, делали государственный контроль на территории Енисейской губернии слабым. Свободное же землепользование и распоряжение доходами способствовали развитию хозяйственной инициативы предприимчивого крестьянства.

Вместе с тем советская власть пришла, возлагая на крестьян трудовые обязанности, распространяя новшества жизни и управления. Сначала крестьянский мир был нарушен приходом Красной армии. В местностях, где проходили или располагались армейские части, их командование требовало предоставления жителями подвод, а кое-где, угрожая арестами, порками и расстрелами, приказывало мобилизовать такое их количество, что это затрудняло выполнение крестьянами других повинностей.

К традиционной власти в лице общины, выражавшей интересы всех слоев крестьянского населения и сохранявшей традиции, ценности и социальные связи, добавились ревкомы, советы и другие организации, действующие соответственно с решениями руководства или в духе того времени. Возникшие в с. Казачинском Енисейского уезда и в селениях Шилинской волости Красноярского уезда комитеты бедноты, оказывая поддержку нуждающимся гражданам, приступили к выявлению запасов продовольствия у кулаков и середняков.

Постепенно отношение крестьян к советской власти стало меняться. Например, население Шилинской волости Красноярского уезда молчаливо встретило выгодное предложение губернской почтово-телеграфной конторы участвовать в постановке телеграфных столбов. В тишине заслушали декреты о землепользовании, лесной охране и твердых ценах живущие лесным промыслом крестьяне Покровской волости. Общие собрания жителей ст. Ключвенная и с. Уяр прошли в присутствии незначительного количества сторонников советской

власти. «Подозрительным» являлось, по мнению властей, настроение середняков в Сухобузимской волости, «выжидательным» – канского крестьянства. Приезжего в некоторых деревнях встречали словами: «Опять приехал коммунист» (ГАНУ. Ф. Р.-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 69 об. – 71 об., 85, 88).

В Минусинском уезде лица, посещавшие крестьян, отмечали, что все они «чего-то боятся. Ждут весны». К лету того же года здесь только небольшая часть деревенского населения поддерживала начинания советской власти. Крестьяне были возмущены отправкой военнопленных-колчаковцев работать на каменноугольных копях, а в Никольской и других волостях размещением частей 27-й дивизии, «объедавших» деревни и требовавших подводы силой оружия. Иностранцы же были недовольны запретом курения араки и незаконными конфискациями продуктов, совершаемыми красноармейцами (ГАНУ. Ф. Р.-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 88 об.; Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 2144. Л. 107; МКУ «АГМ». Ф. 8. Оп. 1. Д. 15. Л. 4; Д. 119. Л. 4; Ф. 25. Оп. 1. Д. 92. Л. 7, 11, 37).

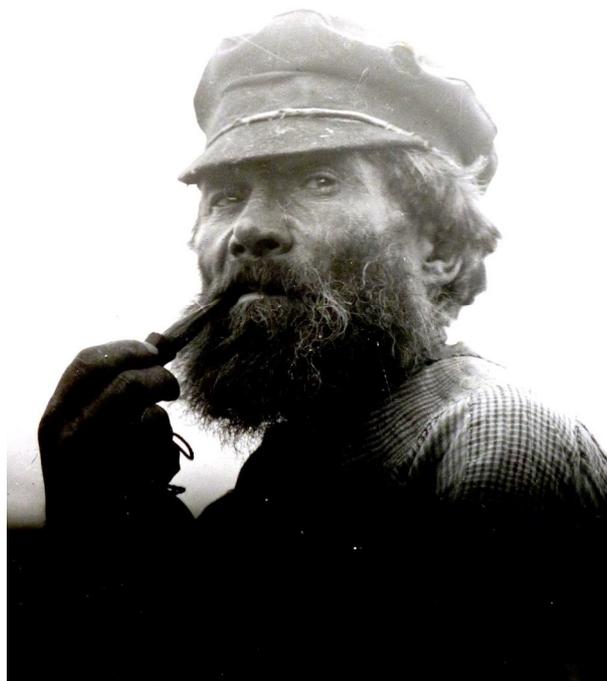

Рис. 1. Крестьянин
Fig. 1. Peasant

Осенью 1920 г. жители Корниловской волости Ачинского уезда выражали возмущение тем, что при износе обуви и лошадиной сбруи власти отказались возвращать им выделанную кожу. Во враждебное переросло отношение крестьян этого уезда к коммунам, организованным на его территории. В результате поджогов сгорела часть их хозяйственных построек (ГАКК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 47; ГАНУ. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 124. Л. 81).

Резкое ухудшение настроений крестьян вызвало начавшееся осенью 1920 г. изъятие продразверстки. Причем, как это констатировалось на заседании президиума Енисейского губернского комитета РКП(б) от 19 октября 1920 г., острое недовольство населения вызвал сначала приказ губернского продовольственного комитета о снабжении продовольствием советских служащих. Крестьяне насмешками сопровождали «бестолковую» ссыпку хлеба, организованную местными управленцами в Павловской волости Ачинского уезда. В декабре 1920 г. население Минусинского уезда возмущалось изъятием хлеба «дочиста», вплоть до семян (ГАНУ. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 125. Л. 61; ГАКК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 55; МКУ «АГМ». Ф. 8. Оп. 1. Д. 119. Л. 4).

На митинге, проходившем 8 января 1921 г. в д. Комарково Мало-Минусинской волости, не только крестьяне ругали советскую власть, но даже член сельсовета Н. Чернов заявил: «Что не коммунист, то жид, они правят Россией, новая власть хуже жандармов». Странники советской власти в общей массе населения составляли в д. Быстрая – 50 %, с. Малая Минуса – 25, с. Большая Иня – 10, а в д. Городок – всего 5 %. Враждебно были настроены к ней 10 % жителей д. Ново-Троицкой, 25 – с. Малая Минуса, 40 – с. Большая Иня и 50 – д. Городок. Прочее население этих селений Минусинского уезда в оценке деятельности советов колебалось (МКУ «АГМ». Ф. 25. Оп. 1. Д. 225. Л. 14).

В феврале того же года из-за полного изъятия продразверстки, отсутствия хлеба и голода бедноты отрицательное отношение к советской власти наблюдалось в Корниловской волости Ачинского уезда, в мае – в Беллыкской волости Минусинского уезда, в июле – в Больше-Муртинской волости

Красноярского уезда, а к осени – в Сухобузимской волости того же уезда (ГАНУ. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 27. Л. 96; Д. 281 а. Л. 8; МКУ «АГМ». Ф. 25. Оп. 1. Д. 225. Л. 263; ГАКК. Ф. Р.-53. Оп. 1. Д. 156. Л. 67).

Крестьяне, с одной стороны, чувствовали себя обманутыми продовольственными работниками и вообще коммунистами. С другой, – они имели туманное представление о советской власти. Враждебность к ней у крестьян зачастую не была постоянной, настроение их менялось под воздействием обстоятельств буквально в считанные дни. О такой ситуации, к примеру, рассказывал руководитель губернской партийной организации Ф.А. Березовский, побывавший на Красноярском уездном съезде советов (28 марта – 4 апреля 1921 г.). Пережившее продразверстку крестьянство подошло к нему настроенным враждебно к коммунистам: из 104 избранных на съезд делегатов только 15 были партийцами. Обращаясь в Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревком, губернский партийный лидер докладывал, что ему с трудом удалось провести в президиум трех своих товарищей, но съезд неожиданно закончился единогласным принятием просоветских резолюций, выбором на губернский съезд коммунистов и приветствием вождям революции и лично Березовскому. «Здесь доля наивной простоты и доля смешного», – так оценил он это событие (ГАНУ. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 188. Л. 41).

По сведениям милиции, на октябрь 1921 г. в Минусинском уезде, одном из хлебных районов губернии, кулаки составляли 20 % – 78 тыс. человек, середняки – 65 – 253,5 и бедняки – 15 % – 58,5 тыс. человек. То есть крестьянская беднота здесь не была массовым социальным явлением, как, например, в европейской части России. Местные власти предполагали, что объявленная выплата продналога, расколов деревню, получит поддержку хотя бы у этой части её населения.

Но она началась в обстановке продолжающегося военного положения и сопровождалась недобросовестностью районных продовольственных агентов, служащих кооперативных лавок и народных судей, обманывающих или засуживающих крестьян. Поэтому взыскание налога, носившее принудительный характер, вызвало недоброжела-

тельное и даже враждебное отношение к советской власти даже у беднейшего крестьянства. Ярким примером такого отношения, например, жителей с. Усть-Ерба стал случай, когда находившемуся на пароме вблизи селения отряду красноармейцев вместо затребованных продуктов были предоставлены объединенный мышами хлеб и заплесневелые шаньги (МКУ «АГМ». Ф. 8. Оп. 1. Д. 120. Л. 14–15, 17; Д. 145. Л. 4).

Наряду с сильным раздражением от уплаты продналога, крестьяне, например, Красноярского уезда в декабре 1921 г. высказывали недовольство масштабами гужевой повинности, возросшей с перевозом переселенцев по тракту. Кое-где она выполнялась населением с применением властями вооруженной силы. В феврале 1922 г. возмущение минусинцев вызвала нераспорядительность властей: деревни подали для доставки угля 100 подвод, когда же возчики, проделав длинный путь, прибыли на место, то его там не оказалось. В Ачинском уезде озлобление крестьян вызвало нежелание коммунистов выполнять вместе со всеми подводную повинность, а в с. Линево и Парная – использование мужиков на очистке от навоза паркомовских дворов. Из-за незаконных и «покры-

ваемых» коммунистами вооруженных ограблений резко ухудшилось отношение к советской власти у инородцев (ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 23. Л. 10; ГАНУ. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 137. Л. 38; МКУ «АГМ». Ф. 8. Оп. 1. Д. 166. Л. 46).

Не менее сильными были крестьянские переживания, связанные с последствиями налоговой кампании. В марте 1922 г. с ненавистью относились к коммунистам и враждебно к советской власти крестьяне в селениях Бейской волости Минусинского уезда, на которых за скрытый и обнаруженный активистами посев было наложено дополнительное продовольственное задание. Выполнение его путем изъятия у крестьян семенного зерна, породившее из-за распутицы и дальних расстояний затруднения с обеспечением им посева, а также небольшой объем отпускаемых семян затагнули страду и вызвали обострение отношений с властями, например, в Бейской, Таштыпской и Иудинской волостях того же уезда (МКУ «АГМ». Ф. 8. Оп. 1. Д. 166. Л. 61, 171; ГАНУ. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 156. Л. 119).

Вызванное налоговой кампанией «пассивно-враждебное» отношение крестьян к власти и тяжелое материальное положение бедноты вылились в

Рис. 2. Енисейский губернский исполком (март 1922 г.). Фото из фондов Красноярского краевого краеведческого музея. Публикуется впервые

Fig. 2. Yenisei provincial Executive Committee (March 1922). Photo from the funds of the Krasnoyarsk Regional Museum. Published for the first time

бегство населения в тайгу. Оставшиеся в селениях крестьяне с пониманием относились к «бандитизму». Но из-за вынужденного содержания воюющих сторон целые волости решались на поддержку чиновцев. Случившееся при разливе р. Абакан наводнение погубило массу скота и овец, что заставило инородцев питаться мясом павших животных и ухудшило их настроения (ГАНУ. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 361. Л. 39; МКУ «АГМ». Ф. 8. Оп. 1. Д. 166. Л. 189).

К концу весны 1922 г. недостаток продовольственного хлеба, наложение на крестьян дополнительного налога за скрытые посевы, объявление возросшего по сравнению с 1921 г. налога на масло, яйца и в пользу голодающих Поволжья, необеспеченность семенами, рост уголовной преступности, кражи зерна с ссыпных пунктов, наконец, предстоящее изъятие церковных ценностей создали в Минусинском уезде враждебное отношение к советской власти. Судя по сообщениям с мест, работа советов в ряде селений была парализована, коммунисты же в Лугавской волости, опасаясь крестьянского выступления, приступили к эвакуации семей в Минусинск.

В мае – июле 1922 г. нежелание крестьянами выполнять продналог и уменьшение ими площади посева наблюдались в Шилинской, в августе – в Степно-Баджейской, Частоостровской и Шерчულской волостях Красноярского уезда, а в октябре – в селениях Енисейского уезда. Беднота, которая существовала, питаясь хлебом, собранным при взимании продразверстки, теперь высказывалась против введения новой экономической политики, заменившей её продналогом (МКУ «АГМ». Ф. 25. Оп. 1. Д. 490. Л. 6; ГАНУ. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 141. Л. 208).

Власти разваливали крестьянский двор, как относительно целостную структуру выживания деревенского населения, и в то же время давали ему возможность работать для того, чтобы исправно собирать налоги. Хлеб, собранный в счет уплаты продналога, шел не только в государственные закрома. Местные власти использовали его для поддержки бедноты, переселенцев и членов коммунистических ячеек. Осенью 1922 г. старожильское

население Ачинского и Минусинского уездов считало коммунистов «захватчиками власти и карьеристами», в Канском – проявляло недовольство возложенным на него содержанием школ, а в Красноярском – призывников в Красную армию. Наблюдая неприязнь старожилов к новоселам, которые численностью в 30 тыс. человек еще не были наделены землей, минусинские управленцы с ноября приостановили переселение. Оценивая отношения к себе крестьян, они на одном из уездных съездов советов (ноябрь 1922 г.) записали, что «советская власть не воспринимается с энтузиазмом, а как-то буднично, вяло» (ГАНУ. Ф. 302. Оп. 1. Д. 250. Л. 2; ГАКК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 299. Л. 120, 141; МКУ «АГМ». Ф. 25. Оп. 1. Д. 162. Л. 31; 4-й уездный съезд..., 1923. С. 11).

Начавшаяся осенью 1922 г., новая продовольственная кампания была встречена, к примеру, в селах Минусинского и Красноярского уездов глухим ропотом жителей, которые были недовольны возросшим объемом налога (ГАКК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 299. Л. 120; Советская деревня..., 1998. С. 622). В январе следующего года крестьяне Канского уезда проявляли недовольство тем, что власти, наряду с уплатой налога, привлекли их к борьбе со снежными заносами на железной дороге. С окончанием взимания натурального налога деревня было успокоилась, но в апреле крестьяне Балахтинской волости Ачинского уезда и селений Канского уезда стали проявлять недовольство дополнительными повинностями, раздробленностью налогов. На общем собрании в д. Кантат Красноярского уезда некий кулак Толстиков возмущался: «Жидовье взяло верх, а мы им шею подставляем, они командуют над нами». На сельском сходе в с. Троицкое Канского уезда были слышны крики: Советская власть хуже колчаковской, она грабит и замучила крестьян налогами» (ГАНУ. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 685. Л. 13; ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 96. Ч. 1. Л. 339; Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 516. Л. 128; Советская деревня..., 2000. С. 101).

В середине лета 1923 г. крестьянство было недовольно начавшимся выявлением объектов нового налогового обложения. Сокрыванию их способствовали, например, в Канском и Красноярском уез-

дах даже сельсоветчики. Только с объявлением государством единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН) состояние деревни, как отмечали очевидцы, стало устойчивым, она отошла от политики, заявила о поддержке советской власти и занялась сельскохозяйственными работами (Советская деревня..., 2000. С. 130; ГАКК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 606. Л. 8). Так, состоявшаяся 16 сентября в с. Усинском лекция налогового инспектора об ЕСХН собрала 300 слушателей и закончилась обращением к властям: «Мы, крестьяне Усинской волости, ... видим, что Советское правительство ... всецело идет нам навстречу, оберегая интересы своих братьев крестьян, а потому шлем сердечную благодарность и желаем скорейшей победы в деле хозяйственного строительства Республики, в котором мы постараемся принять самое активное участие» (Власть труда. 1923. 5 октября).

Со своей стороны местные власти перешли к активной пропаганде идеалов большевизма и советского образа жизни, которая находила, согласно газетной информации, положительный отклик в крестьянской среде. К примеру, в Минусинском уезде трехлетие коммунистической ячейки отмечалось в д. Старая Мигна Кнышинской волости. На состоявшихся следом пере выборах сельсовета в его состав были избраны коммунисты и комсомольцы. 25 сентября на территории Бейской волости начался сбор пожертвований для создания Воздушного флота, в котором участие принимали деревенские беднота и середнячество. 30 сентября в с. Таштып проводился праздник «пролетарской» молодежи, в программу которого входил воскресник по строительству крестьянского клуба. Вспомнив общинную традицию, волостной воскресник, в котором участвовали 80 человек, власти провели в д. Белый Яр Кочергинской волости. В состоявшемся 21 октября партийном «съезде» принимали участие не только 25 коммунистов Идринской волости, но и, проявляя «небывалый» интерес, свыше 100 крестьян и местных интеллигентов.

Во многих селениях общества праздновали 6-летие Октябрьской Революции. При большом скоплении крестьян проходили митинги, шествия-демонстрации с пением «Интернационала», рево-

люционных песен и с исполнением похоронных маршей на могилах павших товарищей, а в украшенных зеленью и флагами советских учреждениях, народных домах и клубах – торжественные заседания и спектакли. В с. Тесинском в праздничном мероприятии участвовали 500 человек, а в с. Абаканское оно заняло два дня. Наряду с прочим, здесь власти организовали концерт, состоявший из декламаций, музыкального исполнения и «живой картины» на тему смычки города и деревни с иллюминацией «греческого огня». В с. Каптыревском демонстрация и митинг закончились направлением приветственной телеграммы В.И. Ленину.

Большой интерес вызвало у крестьян проходившее следом за празднованием общее собрание в с. Курагино, обсуждавшее важные вопросы, в частности о местном бюджете, обществе крестьянской взаимопомощи, школе и больнице. Но решение их, как сетовала газета, в результате «нашептывания» «контрреволюционеров» о серьезных расходах было сорвано. При этом смета на содержание церкви, ремонт её ограды и содержание причта оказалась общинниками принятой (Власть труда. 1923. 5, 12, 19 октября, 18, 21, 23, 30 ноября).

Вместе с тем часть минусинского крестьянства, несмотря на приветствия в адрес ЕСХН, осталась недовольной низкими ценами на хлеб и льготами бедноте. Кое-где оно было даже враждебным советской власти. К примеру, таким являлось отношение крестьян Григорьевской волости, у которых хлеб не уродился, а для уплаты налога описывалось и продавалось с торгов имущество. Осенью же 1923 г. крестьяне Красноярского уезда были недовольны тем, что власти составляли для них окладные листы, не учитывая пережитого их хозяйствами стихийного бедствия. К концу года в Ачинском и Минусинском уездах заметным являлось возбуждение крестьян выплатами в волостной бюджет. В Енисейском уезде крестьяне воспринимали отчисления на содержание советских служащих как дополнительный налог. Лишь с понижением цен на фабрично-заводские товары доброжелательным выглядело отношение к советской власти населения только что созданного Хакасского уезда

Рис. 3. Переселенцы и старожил в енисейской деревне
Fig. 3. Immigrants and long-term resident in the Yenisei village

(ГАКК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 606. Л. 12; Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 96. Ч. 2. Л. 486; Д. 130. Л. 2; ГАНУ. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 699. Л. 396; Д. 828. Л. 37; МКУ «АГМ». Ф. 25. Оп. 1. Д. 276. Л. 104; ГКУ РХ «НА». Ф. 14. Оп. 1. Д. 76. Л. 15).

Енисейские крестьяне по-разному реагировали на кончину первого руководителя советского государства. Так, узнав об этом, ни одна деревня Пировской волости Енисейского уезда не разделила по данному поводу скорби, а сход крестьян д. Кузнецово вынес резолюцию с заверением: «Мы долго будем помнить Ленина, разорившего наше хозяйство». Состоявшееся 3 февраля 1924 г. по этому поводу заседание президиума Енисейского уездного комитета РКП(б) решило снять с работы местных ответственных лиц, а ГПУ изъять из селения «контрреволюционные элементы» (ГАНУ. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 828. Л. 15, 24).

В Минусинском же уезде власти, вероятно, успели поработать с активом, а где-то крестьяне

искренне жалели о кончине В.И. Ленина и проявляли всяческие инициативы. Так, в ряде деревень Мало-Минусинской волости они увеличили посевы, в с. Кавказское Шалаболинской волости решили построить клуб его имени. Некоторые активисты именем «Ленина» называли своих новорожденных детей, а в с. Абаканском – народный дом.

В день похорон вождя состоялись митинги с салютом в с. Ермаковское, Моторское, Кочергино и д. Сыда. В д. Шошино Кочергинской волости крестьяне выражали «великое сожаление» о потере Ленина. В с. Паначевском жители демонстрировали свою скорбь с черными флагами и факелами. Переполненным людьми был клуб в с. Знаменка. На митинге у вынесенного под звуки траурного марша к трибуне портрета усопшего члены комячейки, сельсовета и крестьяне клялись дело, начатое им, довести до конца. До 200 инородцев из соседних улусов собрались для проведения траурного вечера с речами, посвященными памяти воз-

дя на русском и хакасском языках. Жителям д. Березовки Курагинской волости о Ленине рассказывал их земляк, который видел его во время одного из Всероссийских съездов советов. Собравшись на митинг, пайщики Каратузского кооператива были настолько подавлены горем, что не смогли исполнить похоронный марш. На следующий день здесь состоялось собрание с участием 300 крестьян. Масовостью участия отличались женщины: в с. Большая Иня на митинг собрались 150, а на конференцию в с. Имисс – 60 активисток.

Кончина В.И. Ленина вызвала у населения не только скорбь, но и желание непосредственно участвовать в строительстве новой жизни. К примеру, в д. Листвягово семеро жителей подали заявления в РКП(б), крестьяне с. Средне-Шушенского по инициативе сельсовета пожертвовали некоторую часть зерновых запасов для строительства памятника Ленину. На его сооружение работники Баландинской мельницы, устроив торжественные похороны, отчислили двухнедельный заработок.

Но были случаи равнодушного и нераспорядительного отношения к этому событию даже со стороны советских служащих. Так, получив телеграмму Знаменского волисполкома о смерти Ленина, секретарь Сухо-Тесинского сельсовета Баранов не известил об этой трагедии учреждения села и население. Он был немедленно отстранен от должности, расследованием его поведения занялась милиция. Или начальник Усть-Ербинского почтово-телеграфного отделения в день похорон венчался в церкви с дочерью местного священника, за что был подвергнут общественному осуждению (Власть труда. 1924. 3, 8, 10, 20 февраля).

Очередная пропагандистская кампания властей состоялась для минусинского крестьянства в связи с празднованием 1 Мая (1924 г.). Прибыв накануне в Минусинск, деревенские делегаты прошли с оркестром от уездного исполкома в театр, где имело место торжественное заседание с просмотром кинофильма. На следующий день они вместе с уездным руководством принимали парад, смотрели выступления физкультурников, а затем обедали в торжественной обстановке. В с. Восточенское по этому же случаю состоялись торжест-

венное заседание и митинг, в котором участвовало до 400 жителей. На торжественное заседание в с. Усинском собрались 300 человек. Первомайский митинг с шествием к могилам «борцов» прошел в Таштыпе, а праздничный спектакль в с. Знаменском. В с. Паначево почти 50 человек вступили в ряды МОПРа и ячейку Воздухофлота.

Прививая новый образ жизни, власти с. Сагайского в канун 1 Мая хоронили женщину по «революционному» обычаю. Было организовано шествие населения под траурными знаменами и с исполнением похоронного марша. Сам праздник отмечался торжественным заседанием, демонстрацией с флагами и пением, митингом на кладбище с участием 200 человек.

Необычные для трудящейся деревни празднества продолжались. С культурной и агитационной целью в отдаленные от Минусинска селения были направлены бригады уездных культработников. К примеру, 1, 5 и 8 июня 1924 г. в д. Григорьевка при скоплении крестьян прошли спектакли по пьесам «Низверженный деспот», «Сон мужика» и «Заветы умирающего красноармейца». Во время сценки похорон погибшего бойца слышались всхлипывания зрителей. 14, 15 и 22 июня состоялись спектакли по пьесам «Революция», «Огненный конь» и «Церковная обедня» в с. Усинском.

Эстафету приняла кооперация, день которой в начале июля решили отметить в с. Ермаковском и Кужебаре. Здесь прошли торжественное заседание, митинг и спектакль. Кооператоры жертвовали для клуба и организации пчеловодческой артели денежные средства.

За летние месяцы в д. Биджа Хакасского уезда, куда переехал райисполком, состоялись семь спектаклей. Взбудораженная молодежь, собравшись 2 августа в количестве 70 человек, организовала культпросвет и комсомольскую организацию. 24 августа крестины по-новому имели место в семье жителей с. Картуз Абаканского района. После заслушивания докладов о международном и внутреннем положении страны и значении Воздухофлота в СССР восприимчивыми новорожденной стали местные ячейки РКП(б) и РЛКСМ. Борьбу с распущенностью и сквернословием молодежи путем

Рис. 4. Заимка на берегу р. Енисей
Fig. 4. Log cabin on the bank of the Yenisei River

наложения административных взысканий объявил сход жителей д. Ново-Полтавки Ермаковского района (Власть труда. 1924. 7, 9, 23, 25 мая; 19, 22, 30 июля, 21 августа, 3 сентября).

Перелом в настроениях деревенского населения в пользу советской власти наблюдался и в других территориях региона. В апреле 1924 г. была засвидетельствована «тяга» крестьян в коммунистическую партию, например, в Ачинском уезде, а в мае – июне 50–100 заявлений о приеме в неё, поступивших от бедноты и демобилизованных красноармейцев, рассматривались райкомами РКП(б) в Канском уезде. Но, при большинстве в регионе крестьянского населения, губернская партийная организация на сентябрь 1924 г. лишь на 38,3 % состояла из представителей деревни (ГАНУ. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 100. Л. 31; Д. 105. Л. 2; Д. 151. Л. 70–71).

Советской власти пока не удавалось противопоставить бедноту зажиточной части сельского общества и нарушить крестьянскую солидарность. Бедняк оставался, прежде всего, крестьянином, у

которого на первом месте всегда были интересы выживания семьи и своего хозяйства.

Поэтому, несмотря на проявления поддержки крестьянами советской власти в одних местностях, в других – ситуация не была уж столь благодатной. «Грабителями» считало коммунистов в апреле – мае 1924 г. коренное население Хакасского уезда. С августа крестьяне здесь проявляли недовольство снижением цен на сельскохозяйственную продукцию и, напротив, повышением стоимости фабричных товаров, слабостью мер по борьбе с уголовщиной, закрытием из-за высоких ставок налога кустарного производства и отсутствием работы на приисках и рудниках. Негодование крестьян было сильным в связи с увеличением численности лиц, занимавшихся выявлением объектов налогового обложения, их грубым отношением к налогоплательщикам в Красноярском уезде. Местные кулаки грозились сократить посев до прожиточного минимума, а беднота оказалась недовольна взиманием даже пени по ЕСХН, которые она своевременно не уплатила. Враждебно относилось к налоговому обложению, который оказался больше, чем

ранее, зажиточное население Хакасского уезда. Испытывая враждебное отношение к коммунистам, население девяти волостей Ачинского уезда избегало общения с «антихристами». Минусинское крестьянство было недовольно взиманием недоимок 1922/23 г., которые в 2–3 раза были больше самого налога (ГКУ РХ «НА». Ф. 14. Оп. 1. Д. 20. Л. 7, 47, 57, 79; ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2.с. Д. 130. Л. 89, 92, 147, 211; Д. 143. Л. 21).

К осени 1924 г. под влиянием решений XIII съезда РКП(б) настроения крестьянской бедноты изменились еще больше. В Ачинском уезде прошли, еще обособленные от коммунистов, первые собрания, обсуждавшие создание простейших форм кооперации и комитетов взаимопомощи. В Минусинском уезде, где беднота, ранее боявшаяся выступать на сходах против кулаков, теперь на выборах в органы кооперации впервые голосовала за списки кандидатов от коммунистической фракции. В то же время, например, в с. Белоярском Абаканского района, где население группировалось вокруг зажиточных и лиц, исключенных из партии, предложения коммунистов в защиту бедноты провалились. Население, озлобленное выполнением ими административных функций, консолидировалось и в количестве 4 тыс. человек провело митинг, на котором бичевало советскую власть (ГАНУ. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 7. Л. 384; Д. 8. Л. 5; Д. 181. Л. 238; Д. 523. Л. 150).

Сильным фактором, изменившим крестьянские настроения в пользу советской власти, стало принятие коммунистами осенью 1924 г. нового курса – «лицом к деревне». Случившийся неурожай в европейских губерниях страны, поступавшие сигналы о крестьянском недовольстве заставили коммунистов провести ряд кампаний по демократизации политической жизни, «оживлению» советов, укреплению позиций коммунистов, восстановлению законности, правопорядка и единоличного накопления. Они были с удовлетворением приняты енисейскими крестьянами, которые перестали спорить о стойкости коммунистического режима. В годовщину смерти В.И. Ленина большинство прибывших в губернию красноармейцев-отпускников, а вместе с ними 12 крестьян написали заявления о

приеме в РКП(б). В с. Таштып Хакасского уезда около 50 человек изъявили желание стать коммунистами и комсомольцами. Соблюдая траур, жители улуса Усть-Чуль Аскизского района просили райком партии прислать им докладчика. Чебаковский съезд советов преподнес знамя райкому партии и благодарил его за культурно-просветительную работу (ГКУ РХ «НА». Ф. 14. Оп. 1. Д. 5. Л. 173; Д. 7. Л. 7).

С января 1925 г. при пассивности бедноты и хозяйственной занятости кулачества на советскую работу стали больше выдвигаться середняки. В некоторых селениях, к примеру, в с. Сухая Тесь Минусинского уезда, жители перестали реагировать на указания коммунистов. Оценивая данное положение, крестьяне, например, в с. Сабинка Бейского района заявляли растерявшимся членам местной ячейки: «Довольно, поуправляли. Теперь сами без вас будем управлять». На апрельском сходе в с. Абаканском, проходившем по случаю приезда Сибирской комиссии, крестьяне жаловались, что «ячейка для нас ничего хорошего сделать не может, она не знает крестьянской жизни, в ней все больше учителя и другие, а крестьян нет».

Более того, в Канском уезде среди крестьян пошли и такие разговоры: «Настало время, когда коммунисты сдают нам власть, через некоторое время мы будем сворачивать им головы». В д. Семеновка Уярского района зажиточные крестьяне на собрании угрожали: «Если Советская власть нас будет обманывать, то мы тоже покажем, что и Колчаку показали». Согласно заявлению кулака Амосова из с. Городок Минусинского уезда, лозунг «Лицом к деревне» лишь прикрывал боязнь советской власти ухудшения отношений с капиталистическими государствами (ГАНУ. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 688. Л. 506; Д. 752. Л. 91, 259; Д. 752. Л. 89; ГКУ РХ «НА». Ф. 14. Оп. 1. Д. 5. Л. 89; Д. 18. Л. 175; ГАКК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 859. Л. 10; МКУ «АГМ». Ф. 115. Оп. 1. Д. 104. Л. 16).

Проявляя недовольство повышением лимитов на хлеб, которые коммунисты обещали не изменять, крестьянство, например, Минусинского уезда выполнило основное налоговое задание 1925 г. досрочно (ГАНУ. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 688. Л. 258, 268–

269). Вопреки заявлению кулака И. Зырянова из с. Базаиха Красноярского уезда о том, что «советская власть дала для крестьян один налог и больше ничего, ... с нас последнюю шкуру сдирают», деревенские массы высказывали удовлетворение её фискальной политикой (ГАКК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 859. Л. 91; Д. 446. Л. 74).

Объявленный и сниженный новый налог не вызвал недовольства крестьян. Лишь в Ачинском уезде они возмущались системой выявления объектов обложения, а в Минусинском – налоговыми свободами для бедноты. Несмотря на жалобы населения по поводу хулиганства, краж, неудовлетворительной работы милиции, судов и взяточничества лесников, оно в основном, как констатировала I Минусинская окружная партийная конференция (11 ноября 1925 г.), стало выступать за советскую власть (ГАНУ. Ф. Р.-1. Оп. 1. Д. 1828. Л. 21; Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 6. Л. 46; МКУ «АГМ». Ф. 115. Оп. 1. Д. 28. Л. 39; ГКУ РХ «НА». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 12).

Однако коммунисты и при новом курсе политики по-прежнему не решали экономических проблем деревни и порой не интересовали крестьян своей деятельностью. Так, в связи с полевыми работами на Больше-Муртинский районный съезд советов явилось лишь менее половины делегатов. Сняв по данной причине с повестки дня семь вопросов, руководство съезда завершило его в тот же день.

Вскоре настроения селян изменились и приобрели враждебную окраску. К примеру, на собрании в д. Каргино Красноярского уезда бывший партизан и бедняк Бабкин, заслушав доклад приехавшего члена районного исполкома о необходимости уплаты налога в срок, заявил: «Куда вы нас ведете, Советская власть с нас последние кальсоны снимает, ведь это не жизнь, а каторга... Это не Советская власть, а обман». Когда же ему пригрозили наказанием, то все собравшиеся стали кричать: «Устами Бабкина мы все говорим, мы также воевали против Колчака, как Бабкин, думали завоевать себе равенство, а теперь получается так: одни жируют, а мы, крестьяне, ходим босыми и голыми». Некоторые из них высказывали недовольство возведением памятника В.И. Ленину в Красноярске. Так, на сходе в

д. Суханово некий Толстихин, возмущаясь, кричал, что «власть берет с нас налоги и строит каким-то Лениным памятники». К концу 1925 г. существовали целые деревни, население которых целиком высказывалось против политики советской власти. Такой, к примеру, была известная в торговом мире Минусинска и Красноярска д. Сидорово Курагинского района (ГАКК. Ф. Р.-49. Оп. 2 с. Д. 143. Л. 19; МКУ «АГМ». Ф. 119. Оп. 1. Д. 319. Л. 268).

Объявленная свобода хозяйствования вела не только к достатку в жизни отдельных крестьян, но кое-где и к притеснению старожилыми новоселов. В подтаежных деревнях последние жили без земли и бездействовали, а советские органы не только не спешили с землеустройством, но и взымали с них местные сборы. Случалось, что эксплуатируемая кулаками беднота оказывалась в «обиде» на советскую власть (МКУ «АГМ». Ф. 115. Оп. 1. Д. 28. Л. 120; Д. 104. Л. 15).

Отрицательного мнения о ней, судя по июльским 1926 г. доносам, были представители и других слоев деревенского населения. Так, в д. Знаменка Хакасского округа член ревизионной комиссии общества потребителей Е. Батуев говорил: «Это не власть, а грабировка, которая грабит открыто. Она хороша только для лодырей, а для трудящихся совсем не годится». Там же кулак А. Брагин в сообществе крестьян угрожал: «Мы с этих грабителей коммунистов с живых ремни из спины вырезать будем». Беседуя с жителем той же деревни, чарковский избач Интутов сетовал: «При царе жилось плохо только тем, кто не хотел работать, как вот теперешние коммунисты не работают и живут хорошо». Бывший приказчик потребительской лавки С. Соколов с легкостью, очевидно, лгал хакасам из улуса Секта: «У нас идет агитация против Советской власти и мы всех гадов перебьем потому, что имеем связь с белыми генералами. Скоро или поздно, а коммунистам будет крышка» (ГКУ РХ «НА». Ф. 1. Оп. 2. Д. Обзор политического состояния Хакасского округа за август, сентябрь 1926 г. Л. 76, 78).

Побаиваясь кулацкого мщения и теряясь от насмешек середняков по случаю создания фондов кредитования, озлобленные «лодыри» и «пьяницы» из бедноты, например, в Назаровском, Итат-

ском и Ужурском районах стихийно переходили с целью разрешения экономических вопросов к самоорганизации. Отсутствие веры в свои силы в одних местностях, в других – сменялось активностью бедняков. Например, к ноябрю 1926 г. изъявляя желание создать коммунистическую ячейку крестьяне подтаежной д. Манзалык Ермаковского района, а их сообщество на ст. Сон для борьбы с хулиганством организовало дружину, присвоившую себе функции милиции. Хакасская беднота «симпатизировала» советской власти за проведение оросительной канавы, поливы из которой увеличили заготовку сена, и возможность приобретения сельскохозяйственной техники (ГАНУ. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 1786. Л. 254, 259; Д. 6. Л. 124; Д. 1204. Л. 149; ГКУ РХ «НА». Ф. 1. Оп. 2. Д. 73. Л. 39).

Деревенская беднота переходила на позиции советской власти под воздействием материальной поддержки. В Ачинском округе, к примеру, свободными от налога в 1924/25 г. являлись 47 % всей бедноты, в 1925/26 г. – 14 и в 1926/27 г. – 22,8 %; в Минусинском – в 1925/26 г. – 25 и в 1926/27 г. – 35 %. Для организации бедняцких подразделений в Хакасском округе потребительская кооперация создала специальные фонды кредитования, а сельский кредитный союз выделил денежные средства и товары. Бедняки получили льготы государственного страхования и были частично освобождены от уплаты налога (ГАНУ. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 1799. Л. 34; Д. 2094. Л. 29; Д. 2123. Л. 6, 8, 61).

Во время перевыборов сельсоветов и органов кооперации в Канском округе беднота, в отличие от прежних лет, выдвигала свои кандидатуры в каждом селении. Усилилась работа среди бедняцких масс коммунистов, которая в основном проводилась путем организации специальных собраний. С октября 1926 г. и до середины января 1927 г. в Минусинском округе были проведены 324 таких собрания с участием 18 тыс. крестьян, или 85 % всей бедноты и 24 % имевшихся батраков. В течение 1927 г. собрания бедноты с оформлением её в группы состоялись повсеместно (ГАНУ. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 2106. Л. 20; Ф. Р.-47. Оп. 1. Д. 277. Л. 27; Д. 293. Л. 33).

Зависимая от баев и кулаков, беднота в Хакасском округе, посещая собрания, больше молчала, но, когда они стали проводиться на хакасском языке, её охватило радостное настроение. Превратившись в кооперативные или общегражданские, собрания стали ареной ожесточенных отношений на классовом уровне (ГАНУ. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 2123. Л. 4).

Поддерживая коммунистов, при власти которых стало легче жить и приобретать машины с инвентарем, беднота быстро «привыкла к сказке», порой используя свое положение для мошенничества и пьянства. Она не всегда стремилась в средняки и даже ругала советскую власть. «Все-таки плохо живется при Советской власти, – ворчал весной 1927 г. один из минусинских бедняков, – налог берут большой, а льгот же почти никаких не оказывают». Белоярский бедняк из Курагинского района Попов делился своими размышлениями: «При царе жилось гораздо лучше, я вот катанки катал и ничего не платил, а теперь приходится платить. Чуть что заведешь, так сразу же считают кулаком, а лучше ходи в старом зипуне – лучше будет. А вот война скоро будет, не устоять Советской власти, потому что все против неё, бедноте обещают, обещают, а между прочим ничего не дают, так и она против пойдет». Со своей стороны кулаки из д. Большая Иня Минусинского района обещали: «... Гады жмут налогами. Пусть, будет наше время, поотобьем мы рога этим коммунистам – все равно наша возьмет» (ГАНУ. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 2112. Л. 51; МКУ «АГМ». Ф. 115. Оп. 1. Д. 104. Л. 72, 75).

Начиная с весны 1927 г., енисейская деревня по-разному реагировала на осложнение международного положения. Так, кулаки, надеясь в случае войны на смену политического режима, угрожали коммунистам расправой. Зажиточный крестьянин из с. Тигрицкого В. Карлов говорил беднякам: «Это вам не 20-й год, только бы вот война, а там дело наше будет». Такой же житель д. Шошино Минусинского района П. Зорин закончил свою антисоветскую речь эмоциональным обещанием: «... Ох, я бы на одну пулю семь коммунистов насадил». В некоторых местностях Минусинского округа в связи со слухами о войне наблюдались опустошение

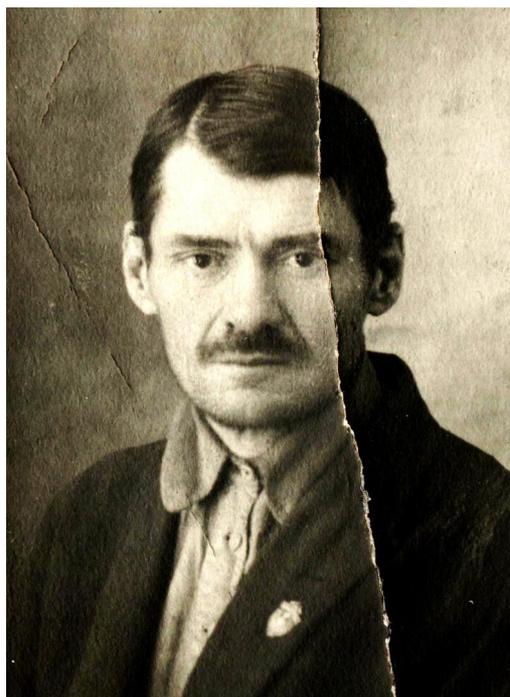

Рис. 5. Кратюк Н.С. – бывший коммунист, поддерживал протестное движение крестьян. Фото из фондов Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова. Публикуется впервые
Fig. 5. Kratyuk N.S. – former Communist, supported the protest movement of peasants. Photo from the funds of the Minusinsk Regional Museum of Local Lore named after N. M. Martyanov. Published for the first time

кооперативов и агитация за восстание против советской власти. «Как только начнется война, – говорили крестьяне, – то обязательно будет переворот и опять власть перейдет в руки казаков». Кулацкая часть деревни буквально стонала: «Скорее бы война, пойдем тогда бить коммунистов».

Подобные настроения были характерны для населения и других округов. Один из кулаков Красноярского округа заявил, что «если будет война, то прежде, чем идти на фронт, нужно перебить здесь, в тылу, всех коммунистов». 25 июля 1927 г. в д. Боровая Березовского района Ачинского округа середняки беседовали о предстоящей войне: «Война должна быть обязательно. Нам надо сперва побить своих гадов, которые сидят на нашей шее ... и отбирают последнего поросенка в налог». В августе крестьянин Амонашевского района Канского округа заявил, что такие, как он, в ближайшем будущем будут давить коммунистов. Зажиточный житель

д. Копейка Нижне-Ингашского района Н. Шерносек предупреждал местного активиста: «Скоро война, коммунистов перевешаем».

В такой обстановке коммунисты требовали от властей оружия и готовились к бегству из деревни, а середняки и бедняки считали, что вооруженное столкновение с капиталистическими странами принесет разруху и его желательно избежать (МКУ «АГМ». Ф. 115. Оп. 1. Д. 104. Л. 75, 100; ГАНУ. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 680. Л. 107; Д. 2106. Л. 214; Ф. Р.-47. Оп. 5. Д. 59. Л. 149; Советская деревня..., 2000. С. 560; Трагедия советской деревни..., 1999. С. 85).

Размеры налога, объявленного к осени 1927 г., не вызвали нареканий со стороны бедноты и середнячества, что вылилось в массовое и досрочное его поступление. Однако население подтаежных деревень осталось недовольным одинаковыми ставками налога по сравнению с жителями степных районов. Деревенские предприниматели возмущались учетом у них неземледельческих доходов. Зажиточные крестьяне выступали против создания беднотой выселков и выделения ей лучших земель. По этому поводу середняк Даурского района, оценивая ситуацию, заявил: «Если еще раз [активисты] перемерят пашню, то крестьяне вперед Англии объявят войну советскому правительству, будут восставать» (ГАНУ. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 2107. Л. 192; Д. 2050. Л. 5; ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 499. Л. 218, 335).

Деревня, расколота политикой советской власти, была готова к физическому столкновению. Свидетельствуя об этом, в августе 1927 г. в с. Галактионово Идринского района состоялось районное собрание крестьян, обсудившее международные события и сокрытие объектов налогового обложения. На нем была создана группа из 12 крестьян, которые решили при первой возможности убить председателя и секретаря сельсовета. В свою очередь, в октябре того же года председатель Моторского сельсовета (Каратузский район) созвал совещание бывших партизан и предложил, устроив в селе «Варфоломеевскую ночь», «выбить» «лишеницев» и лиц, политически неблагонадежных.

Осенью 1927 г. крестьянство целых районов, «задушенное» налогами «на зарплату» коммуни-

стам, поголовно было настроено против советской власти. Считая войну неизбежной и предрекая властвованию коммунистов последние дни, канские и минусинские кулаки уже говорили о победе над СССР технически оснащенной Англии. Середняк д. Михайловки Рыбинского района, у которого погиб урожай хлеба, больше не хотел терпеть иждивенчества со стороны властей и заявил о будущем посеве только для собственных нужд (ГАНУ. Ф.Р.-47. Оп. 5. Д. 58. Л. 19; Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 680. Л. 140, 375).

Ноябрьско-декабрьские сходы целого ряда селений Канского, Красноярского и Минусинского округов, прошедшие по случаю выхода Манифеста ЦИК СССР к 10-й годовщине Октября, показали, что крестьяне недовольны делением на середняков, кулаков и бедняков, «скидкой» налога на бедноту и амнистией уголовников. Например, состоявшийся 16 ноября в д. Елово Тайшетского района сход принял резолюцию о том, что Манифест «не вполне удовлетворяет середняцкую часть населения, а лишь только бедняцкую, из коих большая часть лодыри и лентяи» (ГАНУ. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 2050. Л. 439, 561; Д. 680. Л. 269; Д. 277. Л. 119).

Напротив, к примеру, общее собрание в д. Конторка Канского округа, заявив о том, что Манифест представляет беднякам «возможность освободиться от ЕСХН и землеустройства», объявило его «правильным». В демонстрациях по случаю 10-летия Октября в Хакасском округе участвовало до 50–75 % населения. Наблюдался подъем людских настроений, оживление. В некоторых селениях жители белили избы, проводили общественные обеды с выпивкой и митинги с салютами. К ноябрю в с. Боград открылся памятник большевику, в честь которого было переименовано село. По этому поводу состоялась манифестация, открылась школа крестьянской молодежи и был устроен карнавал с антирелигиозными выступлениями. В окружном центре прошел митинг, в котором участвовали 2 тыс. человек, или половина его населения. Митинговали в с. Чебаки 200, демонстрировали 500 человек. До 200 знаменских крестьян участвовали в митинге, организованном с прибытием трактора. Переполненным был клуб в с. Соленоозерном, а

7 ноября здесь митинговали 500 жителей. Многолюдным оказалось празднование в с. Аскиз и п. Шира. На митинг в Черногорских Копях из соседней деревни пригнали трактор, крестьяне преподнесли рабочим в подарок пшеничные снопы, вызвав сильнейший подъем настроений у митингующих. «Мы, крестьяне, всегда готовы пойти навстречу рабочему классу и делиться своим производством, т. е. продуктами сельского хозяйства», – выступали участники. На торжественное заседание в с. Усть-Абаканское пригласили хакасов из улуса Мохов, чем они были довольны. В клубе для них и рабочих организовали обед.

Мнение крестьян о советской власти разделилось. Оценивая значение её политики для бедноты и свои возможности, к примеру, один из её представителей П. Казаков из д. Имек высказался так: «Теперь стало действительно заметно, что Советская власть заботится о бедняках, снижает для нас налог, уплачивает за земельную регистрацию... Нам только и остается работать, не ленясь, и помогать Соввласти». Проживавшие в улусе Боргояков Аскизского района, хакасы говорили: «В случае войны мы, бедняки, будем помогать всеми силами Советской власти и выступим на защиту её».

Такие заявления тут же оспаривались кулаками. Так, хакас Г. Парышев из с. Верхний Имек Таштыпского района уверял своих слушателей: «В недалеком будущем будет война и нам будет легче, получим освобождение, а то Советская власть задала крестьян налогам». Вспоминая о продрозверстке, середняк А. Соседкин из д. Абакано-Перевоз заметил, что замена её продовольственным налогом спасла советскую власть от «озверевшего» народа, но и налог «не хуже разверстки греет, спина трещит и не под силу платить». Кулак-старообрядец В. Чепсаров из д. Верхняя Кандырла угрожал: «Если будет война, то мы в первую очередь выбьем всех лиц, стоящих на платформе Советской власти». Осуществляя агитацию, бельтырский кулак П. Асочаков вопрошал соседей: «Вот скоро побьем коммунистов, куда денетесь в связи с опасностями войны?». Или заверяя общество в неизбежной гибели советской власти и будущей расправе над коммунистами, зажиточный крестья-

нин Байкалов из д. Большие Копены мечтал, что при обретении им оружия он «расправится с коммунистами как следует». Кулак того же селения Хруль, проезжая поселок Житов Луг и увидев возводимую к 10-летию Октября арку, высказался: «Вы что строите, вот скоро будет переворот ... и вас на этих воротах повесят» (ГАНУ. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 277. Л. 119; ГКУ РХ «НА». Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 50–51, 54, 71–72, 75–76, 79).

В 1927 г. во взаимоотношениях в просоветском лагере просматривалась еще одна тенденция, которая оказывала существенное влияние на крестьянские настроения. Некоторые коммунистические ячейки, лицемерно объясняя свое поведение боязнью расколоть крестьянство, были вынуждены вести работу в ущерб местной бедноте, выступая, например, против наделения её лучшей землей вблизи селения или снабжения техникой. Но и крестьяне, например, Амонашевского района Канского округа определяли свое отношение к коммунистической партии и местным партийцам так: «Мы, крестьяне, не против партии... Мы против наших коммунистов. – И добавляли, вспоминая недавнее прошлое, – они – хулиганы, всю деревню в страхе держали. Выводили [крестьян] голыми расстреливать на снег...» (ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 497. Л. 12; ГАНУ. Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 21. Л. 58).

Другим явлением в настроениях деревни была неприязнь к городу, население которого, по мнению селян, якобы материально жило лучше их, зачастую выражавшаяся в стремлении к созданию крестьянских союзов. «Ревность к городу» наблюдалась и ранее, например, в начале 1925 г. в Рождественской волости Канского уезда. В январе – феврале 1928 г. она была замечена среди минусинских и ачинских крестьян-середняков. Так, в Ачинском округе крестьяне жаловались друг другу: «Деревня без товара сидит, а в городе от товаров склады трещат (ГАКК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 882. Л. 33; Ф. 60. Оп. 1. Д. 612. Л. 37; ГАНУ. Р.-47. Оп. 5. Д. 68. Л. 77).

В это время некоторые крестьяне, высказывая удовлетворение применяемым к кулакам репрессиям, активно помогали специальным лицам в выявлении и конфискации спрятанного у них хле-

ба. К примеру, в Балахтинском и Сухобузимском районах Красноярского округа середняки говорили: «Хорошо советская власть начинает избавлять нас от таких помещиков, будет им нас обдывать». В Даурском районе середняки просили уполномоченных по хлебозаготовкам приехать к ним и «встряхнуть кулаков». Возчики-крестьяне во время отгрузки конфискованного у кулаков хлеба говорили между собой: «Ишь, гады, заготовили сколько, весной драли бы с нас втридорога, забыли кулаки, что живут в Советской республике». Один из бедняков с. Скрипачи Березовского района Ачинского округа, получив поручение снарядить подводу на вывозку изъятого у кулаков зерна, бросил пить чай и сказал: «А, хлеб отбирать, сейчас, быстро, одену шубу, у кирика (кулака) нагреюсь в амбаре».

Понимая, что «нянчиться» с ними советская власть больше не будет, кулаки зачастую отдавали хлеб «по-хорошему». Так, в Балахтинском районе Красноярского округа после ареста саботажников по ст. 107 УК РСФСР отмечался усиленный наплыв в кооперацию кулаков – сдатчиков хлеба. «Опоздали, голубчики, – заявил лицам, пришедшим его арестовывать, кулак-мельник из с. Семеновка Уярского района, – я вчера 1000 пудов сдал, да позавчера – 1000 пудов» (Советская деревня..., 2000. С. 689–694).

Другие зажиточные крестьяне возмущались действиями властей. В Канском округе один из них говорил: «Наконец-то мы при Советской власти дошли до такого момента, что не имеем права распорядиться своим хлебом, все эти кампании направлены еще в больший ущерб крестьянскому хозяйству». В с. Новоселово Больше-Улуйского района зажиточный Сидоров горевал: «Советская власть нисколько крестьянам жить не дает, грабят, да и только». С широким обобщением и призывами на крестьянском сходе в д. Строганово Минусинского района выступила некая жительница: «Наше государство не умеет управлять, нас обобрали, ограбили, все взяли у нас. Долой Ленина, долой Советскую власть, долой Красную армию...». На собрании по случаю самообложения крестьянин д. Быстрая бросил реплику: «Советская власть давит крестьян, нужно идти опять войной, иначе нас

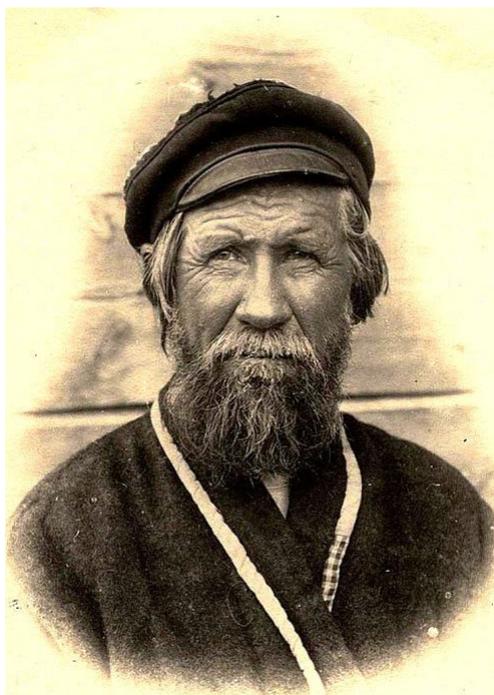

Рис. 6. Зырянов А.Д. – крестьянин с. Шушенского Минусинского уезда. Снимок 1920-х годов. Из фондов Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова. Публикуется впервые
Fig. 6. Zyryanov A.D. – peasant of village Shushenskoe, Minusinsk County. The 1920-s. From the funds of the Minusinsk Regional Museum of Local Lore named after N. M. Martyanov. Published for the first time

задают» (ГАНУ. Ф. Р.-20. Оп. 2. Д. 180. Л. 63; Ф. Р.-47. Оп. 1. Д. 698. Л. 55; Оп. 5. Д. 19. Л. 12).

Майско-июньские 1928 г. крестьянские сходы и даже бедняцкие собрания ряда селений Минусинского округа проваливали принятие населением самообложения, подписку на заем индустриализации, голосовали против продовольственных изъятий и за обеспечение хлебом, прежде всего, собственного населения. Так, в д. Николо-Петрово в обстановке молчаливого согласия бедноты и советского актива крестьяне не стали принимать подписку на заем. Вследствие необеспеченности хлебом и семенами, беднота решила урожай, собранный в с. Галактионово, не вывозить, а поместить его в общий амбар. «Даем хлеб, – объясняли свое поведение участники этой акции, – а есть нечего». В Курагинском районе из-за боязни остаться без него против заготовок выступало все население. Прибывший в д. Кривую уполномоченный пы-

тался для решения хлебозаготовительного вопроса собрать бедноту четыре раза. Явившиеся 35 человек обсуждали его семь часов, но, не достигнув единого мнения, разошлись. Не состоялось по этому поводу и бедняцкое собрание в с. Лугавском. В одном из селений Канского района и округа сход крестьян по инициативе председателя сельсовета постановил хлебозаготовки прекратить (ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 612. Л. 151, 157, 164; Советская деревня..., 2000. С. 915).

Кроме этой сельсоветчицы, были коммунисты, вроде председателя Камалинского общества потребителей Тарапенко, который, не желая разорять людей, отказался принимать хлеб, отобранный у кулаков. Некий Ляпунов из Рождественского района назвал хлебозаготовительный нажим на крестьян «невероятным». Некоторые заготовители были поражены демобилизационными настроениями, в результате чего население отдельных округов прекратило поставку продовольствия.

К лету 1928 г. енисейская деревня быстро продвигалась к окончательному размежеванию и высказывала самые разные настроения. Зажиточные крестьяне агитировали за восстание против советской власти. «Если у нас получится недород, – выступал такой мужик перед жителями д. Куваршино Красноярского округа, – то придется идти войной на Советскую власть – голодным ничего не страшно». Еще один кулак в группе крестьян Ачинского округа вещал: «Скоро будет переворот, тогда мы в первую очередь будем казнить председателя сельсовета, а затем всех, выгребавших хлеб».

Середнячество Минусинского округа под влиянием слухов о неминуемом голоде также выражало недовольство возобновившимся налоговым нажимом: «Власть такими порядками хочет оставить крестьян на пайке, а случись голод – будем голодать, как голодали крестьяне в Самарской губернии». Озабоченной своим положением являлась и беднота. Например, в д. Барабанова Красноярского округа она выражала такие настроения: «Эти собрания нас губят, кулаки нас бойкотируют и грозят не продавать хлеба, а кооперация нас не снабжает. Кулаки над нами смеются: «Идите за хлебом к своим, а мы вам ни фунта не дадим». Нам

только пообещали дать семена и хлеба, а на деле ничего не делается. Нам есть нечего, неужели мы пойдем помогать отбирать последний хлеб» (Советская деревня..., 2000. С. 684–686, 751–754).

Объем нового налога, объявленного летом 1928 г., вырос по сравнению с 1927 г. в два раза. Разоренное и недовольное властью, крестьянство Хакасского округа, не успев «очухаться» от самообложения, прошлогоднего налога и добавлений к нему, стало высказываться за сокращение посевов. «Жить при Советской власти невозможно, только успеешь заплатить один налог, смотришь, тебя уже тянут за второй, – высказал общее мнение один из местных крестьян. – Хлеб не успел еще созреть, кто его знает, что еще будет, а у тебя уже учитывают сколько ты должен снять». В то же время местные крестьяне в силу своей наивности, случалось, поддерживали репрессии советской власти против других категорий населения. К примеру, о приговоре участникам Шахтинского процесса они рассуждали так: «Что с ними церемониться, ... надо было просто таких сволочей убить без суда, ... ведь подумать ... сколько они вреда наделали» (ГКУ РХ «НА». Ф. 16. Оп. 3 с. Д. 5. Л. 126).

Экономически зависимые, бедняки где-то, ссылаясь на то, что их мнение не учитывается, отказывались выявлять кулаков, в других же местах, напротив, требовали от советской власти не только снабжения продуктами, угрожая разбить хлебные амбары, но и усиления карательных действий по отношению к зажиточным соседям. Состоявшиеся в конце 1928 г. перевыборы сельсоветов, например, в Хакасском округе показали возросшую активность бедноты. Кандидатами выдвигались сугубо бедняки (ГКУ РХ «НА». Ф. 16. Оп. 3 с. Д. 3. Л. 82, 86, 93).

Несмотря на то, что среди крестьянства звучали призывы не сдавать хлеб в счёт выполнения налогового задания, не покупать облигации государственного займа и тем самым способствовать падению советской власти, она, опираясь на бедняцкие по составу советы, применяя к кулакам пятикратное обложение, а к саботажникам 61 ст. УК РСФСР, сломала его сопротивление. Целые деревни, откуда в Москву шли телеграммы об отсутствии

у жителей хлеба, объявлялись «кулацко-зжиточными» с использованием там возможностей ОГПУ (ГАНУ. Ф. Р.-288. Оп. 1. Д. 502. Л. 251; Ф. П.-2. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-4).

Но с апреля 1929 г. вновь начались протесты бедноты против вывоза заготовленного хлеба. В Таштыпском и Аскизском районах Хакасского округа состоялись бедняцкие собрания, на которых присутствующие требовали от властей немедленного отпуска им хлеба или намечали ходяков в более высокие властные инстанции. Беднячка из с. Усть-Уйбат Чарковского района Середкина, возвратившись из общества потребителей без хлеба, сорвала со стены портрет Ленина и, разорвав его, кричала: «Заморил ты нас, черт, с голоду, из-за тебя отправляют наш хлеб за границу, а эти черти (коммунисты) говорят, что кулака надо жать. Да если бы не кулаки мы бы сдохли сейчас с голоду» (ГКУ РХ «НА». Ф. 16. Оп. 3 с. Д. 1. Л. 110, 137).

Ситуация накалилась до того, что в мае – июне некий зажиточный крестьянин делился в кругу жителей одного из селений Канского округа такими переживаниями: «Если нынче не будет войны с другими странами, то крестьяне сами поднимут восстание против коммунистов. [Как] бы нашелся ... человек, который сумел ... организовать крестьян, [мы бы] давно разрядили сердце от злобы». Даже бедняк из с. Чебаки Хакасского округа Ефимов заявил, что, при отсутствии хлеба еще два дня, он соберет отряд и под черным знаменем пойдет бить коммунистов. «Мне все равно умереть с голоду, – добавил мужик, – или погибнуть от рук коммунистов, которые заготавливают хлеб только для себя, а о нас, бедняках, не заботятся». Там же голодавший середняк В. Тартачаков заверял: «Если вспыхнет ... война, то все крестьянство пойдет против Советской власти». Призывы к войне, которая, как надеялись люди, изменит хлебозаготовительную политику коммунистов, были слышны среди населения Таштыпского района.

Уставшее от насилия, крестьянство встретило начавшееся летом 1929 г. выявление властями объектов нового налогового обложения показным равнодушием. Но кое-где, например, в хакасских селениях Чебаковского района Хакасского округа

зажиточные жители снова утаивали от учета овец, передавая их на время бедняцкой родне. Местная беднота, отказываясь от реализации третьего займа индустриализации, все больше прислушивалась к распространявшимся слухам о предстоящей войне (Советская деревня..., 2000. С. 919; ГКУ РХ «НА». Ф. 16. Оп. 3 с. Д. 1. Л. 88, 90).

К концу 1929 г. в Минусинском округе наблюдалось резкое недовольство хлебозаготовками со стороны середняков. Многие из них сочли, что советская власть вскоре расправится и с ними. По этому поводу середняк И. Щербин из с. Ново-Михайловского Бейского района говорил: «Коммунисты управлять страной не умеют, а мы за их глупости отдувайся. Я знаю, что нам ожидать хорошего нечего, жизнь не улучшится, кулаков всех распродали, теперь за нас взялись» (ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1019. Л. 127). Некоторые бедняки, стремясь прожить незавидное имущество или не желая видеть мучения своего животного в коллективном табуне, стали отказываться от сиюминутного вступления в колхоз, другие – от утверждения кулацких списков (ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 856. Л. 1; ГАНО. Ф. П.-2. Оп. 5 а. Д. 54. Л. 14).

Государство ответило крестьянству невиданным ужесточением своей политики...

Библиографический список

Бурдина Е.Н. Общественно-политические настроения крестьянства Западной Сибири (январь – июнь 1920 г.) // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905–1921 гг.). Ишим, 2006. С. 168–176.

Бурдина Е.Н. Общественно-политические настроения крестьянства Западной Сибири в восстании 1921 г. // Известия Алтайского госуниверситета. Исторические науки и археология. 2017. № 5 (97). С. 28–33.

Бурдина Е.Н. Политические настроения и социальное поведение крестьянской бедноты Западной Сибири в первые годы советской власти // Известия Алтайского госуниверситета. Исторические науки и археология. 2018. № 2 (100). С. 32–40.

Власть труда. Минусинск. 1923. 5 октября.

Следовательно, настроения енисейского крестьянства в 1920-е гг. существовали и развивались в русле внутриобщинных переживаний и под воздействием политики советской власти. С переходом государства к жесткому продовольственному прессингу крестьяне встречали его представителей с ненавистью. Столкнувшись с репрессивной мощью государственной машины и осознав бесполезность вооруженных выступлений, они глухо роптали и продолжали саботировать решения местных органов власти. Но часть деревенского социума в лице бедноты, оказавшись под влиянием коммунистической идеологии и получив материальную поддержку государства, перешла на сторону советской власти и выражала новые для неё лозунги.

В целом жизненному восприятию местного крестьянства, как и повсеместно, был присущ хаос. Настроения крестьян могли быстро меняться. В их общественном сознании наблюдалось переплетение традиционных черт с новациями, вызванными политическими реалиями. Постоянные налогово-продовольственные кризисы, перепады в настроениях деревенского населения, показавшие советской власти его ненадежность в качестве союзника, обрекали крестьянскую Атлантиду на гибель.

References

Burdina E.N. Socio-political mood of the peasantry of Western Siberia (January – June 1920). *Krest'yanstvo vostochnykh regionov Rossii i Kazakhstana v revolyutsiyakh i grazhdanskoi voine (1905–1921 gg.)*. [Peasantry of the Eastern regions of Russia and Kazakhstan during the Revolutions and Civil War (1905–1921)]. Ishim, 2006, pp. 168–176. (In Russ.).

Burdina E. N. Socio-political mood of the peasantry of Western Siberia in the uprising of 1921. *Izvestiya Altaiskogo gosuniversiteta. Istoricheskie nauki i arkheologiya* [News of the Altai State University. Historical Sciences and Archaeology], 2017, no. 5 (97), pp. 28–33. (In Russ.).

Burdina E.N. Political mood and social behavior of the poor peasantry of Western Siberia in the first years of Soviet Power. *Izvestiya Altaiskogo gosuniversiteta. Istoricheskie nauki i arkheologiya* [News of the Altai state University. Historical Sciences and archaeology], 2018, no. 2 (100), pp. 32–40. (In Russ.).

Vlast' truda [The Power of Labor]. Minusinsk, 1923, October 5. (In Russ.).

Власть труда. 1923. 12 октября.	<i>Vlast' truda</i> [The Power of Labor], 1923, October 12. (In Russ.).
Власть труда. 1923. 19 октября.	<i>Vlast' truda</i> [The Power of Labor], 1923, October 19. (In Russ.).
Власть труда. 1923. 18 ноября.	<i>Vlast' truda</i> [The Power of Labor], 1923, November 18. (In Russ.).
Власть труда. 1923. 21 ноября.	<i>Vlast' truda</i> [The Power of Labor], 1923, November 21. (In Russ.).
Власть труда. 1923. 23 ноября.	<i>Vlast' truda</i> [The Power of Labor], 1923, November 23. (In Russ.).
Власть труда. 1923. 30 ноября.	<i>Vlast' truda</i> [The Power of Labor], 1923, November 30. (In Russ.).
Власть труда. 1924. 3 февраля.	<i>Vlast' truda</i> [The Power of Labor], 1924, February 3. (In Russ.).
Власть труда. 1924. 8 февраля.	<i>Vlast' truda</i> [The Power of Labor], 1924, February 8. (In Russ.).
Власть труда. 1924. 10 февраля.	<i>Vlast' truda</i> [The Power of Labor], 1924, February 10. (In Russ.).
Власть труда. 1924. 20 февраля.	<i>Vlast' truda</i> [The Power of Labor], 1924, February 20. (In Russ.).
Власть труда. 1924. 4 мая.	<i>Vlast' truda</i> [The Power of Labor], 1924, May 4. (In Russ.).
Власть труда. 1924. 7 мая.	<i>Vlast' truda</i> [The Power of Labor], 1924, May 7. (In Russ.).
Власть труда. 1924. 9 мая.	<i>Vlast' truda</i> [The Power of Labor], 1924, May 9. (In Russ.).
Власть труда. 1924. 23 мая.	<i>Vlast' truda</i> [The Power of Labor], 1924, May 23. (In Russ.).
Власть труда. 1924. 25 мая.	<i>Vlast' truda</i> [The Power of Labor], 1924, May 25. (In Russ.).
Власть труда. 1924. 19 июля.	<i>Vlast' truda</i> [The Power of Labor], 1924, July 19. (In Russ.).
Власть труда. 1924. 22 июля.	<i>Vlast' truda</i> [The Power of Labor], 1924, July 22. (In Russ.).
Власть труда. 1924. 30 июля.	<i>Vlast' truda</i> [The Power of Labor], 1924, July 30. (In Russ.).
Власть труда. 1924. 21 августа.	<i>Vlast' truda</i> [The Power of Labor], 1924, August 21. (In Russ.).
Власть труда. 1924. 3 сентября.	<i>Vlast' truda</i> [The Power of Labor], 1924, September 3. (In Russ.).

Кузнецов И.С. Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е годы: учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во Новосибирского госуниверситета, 1992. 94 с.

К характеристике общественно-политических настроений и взглядов участников западно-сибирского мятежа 1921 г.: [публ. документов] / подгот. и авт. вступ. ст. В.И. Шишкина // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. 1996. № 2. С. 55–62.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: документы и материалы: в 4-х т.. М., 1998. Т. 1. 1918–1922.

Kuznetsov I.S. *Sotsial'naya psikhologiya sibirskogo krest'yanstva v 1920-e gody*. [Social psychology of the Siberian peasantry in the 1920s]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 1992, 94 p.

To the characteristic of social and political moods and views of participants of the West Siberian Revolt of 1921. *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Ser. Otechestvennaya istoriya* [Humanities in Siberia. Ser. Edema. History], 1996, no. 2, pp. 55–62. (In Russ.).

Sovetskaya derevnya glazami VChK–OGPU–NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy [The Soviet countryside by the eyes of VCHK–OGPU–NKVD staff. 1918–1939. Documents and materials. In 4 vol.]. Moscow, 1998, vol. 1. 1918–1922. (In Russ.).

Советская деревня глазами ОГПУ. 1923–1929 гг. М., 2000. Т. 2.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы: в 5 т. 1927–1939. М., 1999. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929.

Третьяков Н.Г. Общественно-политические воззрения участников Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. // Из прошлого Сибири: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1994. Вып. 1. Ч. 1. С. 90–100.

Хенкин Е.М. Продналог 1921–1922 гг. и политические настроения сибирского крестьянства // Общественно-политическая жизнь советской сибирской деревни: материалы II симпозиума по истории рабочего класса, крестьянства и интеллигенции Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 38–46.

4-й уездный съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Минусинского уезда (с 17 ноября по 21 ноября 1922 г.). Минусинск, 1923.

Шишкин В.И. Политические настроения сибирского крестьянства весной – летом 1921 г. // Социально-политическое развитие Сибири XIX–XX вв. Бахрушинские чтения 1982 г. Сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1982. С. 20–28.

Шуранова Е.Н. Налоговая политика в восприятии сибирских крестьян (по материалам Западной Сибири первой половины 20-х гг. [XX в.] // Уральские Бирюковские чтения. Челябинск, 2003а. Вып. 1. Ч. 2. С. 24–30.

Шуранова Е.Н. Настроения крестьян в первой продналоговой кампании 1921–1922 годов в Кузбассе // Кемеровской области 60 лет: материалы Всерос. науч. конф. (Кемерово, 15 мая 2003 г.). Кемерово, 2003б. С. 91–95.

Шуранова Е.Н. Отношение сибирских крестьян к коммунистам в 1921–1923 годах // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007а. Вып. 5. С. 61–75.

Шуранова Е.Н. Отношение сибирских крестьян к налогу в период расцвета НЭПа (1923–1925 гг.) // Экономическая история Сибири XX века: материалы Всерос. науч. конф. (Барнаул, 30 июня – 1 июля 2006 г.). Барнаул, 2006. Ч. 2. С. 95–114.

Sovetskaya derevnya glazami OGPU. 1923–1929 gg. [The Soviet village by the eyes of the OGPU staff. 1923–1929]. Moscow, 2000, vol. 2. (In Russ.).

Tragediya sovetskoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. Documents and materials. In 5 vol. 1927–1939. Moscow, 1999, vol. 1. May 1927 – November. 1929. (In Russ.).

Tretyakov N.G. Socio-political views of the participants of the West Siberian peasant uprising of 1921. *Iz proshlogo Sibiri: Mezhevuz. sb. nauch. tr.* [From the past of Siberia. Intercollegiate. Sb. nauch. tr.]. Novosibirsk, 1994, vol. 1, part 1, pp. 90–100. (In Russ.).

Henkin E.M. Prodnaolog 1921–1922 and political mood of the Siberian peasantry. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' sovetskoi sibirskoi derevni. Materialy II simpoziuma po istorii rabochego klassa, krest'yanstva i intelligentsii Sibiri* [Social and political life of the Soviet Siberian village: proceedings of the II Symposium on the history of the working class, the peasantry and the intelligentsia of Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1974, pp. 38–46. (In Russ.).

4-i uezdnyi s'ezd Sovetov rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeiskikh deputatov Minusinskogo uезда (s 17 noyabrya po 21 noyabrya 1922 g.) [4th district Congress of Soviets of workers, peasants and red army deputies of Minusinsk district. From November 17 to November 21, 1922]. Minusinsk, 1923. (In Russ.).

Shishkin V.I. Political mood of the Siberian peasantry in the spring-summer of 1921. *Sotsial'no-politicheskoe razvitiye Sibiri XIX–XX vv. Bakhrushinskiye chteniya 1982 g. Sb. nauch. tr.* [Socio-political development of Siberia XIX–XX centuries. Bakhrushin readings 1982. Sb. nauch. tr.]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 1982, pp. 20–28. (In Russ.).

Shuranova E.N. Tax policy applying to the Siberian peasants (based on the materials of Western Siberia in the first half of the 1920s. [XX century.]. *Ural'skie Biryukovskie chteniya* [Ural Biryukov readings]. Chelyabinsk, 2003a, vol. 1, pt. 2, pp. 24–30. (In Russ.).

Shuranova E.N. The mood of the peasants in the first prodialogue campaign of 1921–1922 in the Kuzbass. *Kemerovskoi oblasti 60 let* [The Kemerovo region, 60 year. Materials of vseros. scientific. Conf. (Kemerovo, 15 May 2003)]. Kemerovo, 2003b, pp. 91–95. (In Russ.).

Shuranova E.N. The attitude of Siberian peasants to Communists in 1921–1923. *Sibir': XX vek.* [Siberia: XX century]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2007a, vol. 5, pp. 61–75. (In Russ.).

Shuranova E.N. The ratio of Siberian peasants to the tax during the heyday of the NEP (1923–1925). *Ekonomicheskaya istoriya Sibiri XX veka* [Economic history of Siberia of the XX century. Materials of the All-Russian. Scientific. Conf. (Barnaul, 30 June – 1 July 2006)]. Barnaul, 2006, pt. 2, pp. 95–114. (In Russ.).

Шуранова Е.Н. Отношение сибирских крестьян к советской власти в 1921–1927 гг. // Сибирь: XX век. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007b. Вып. 6. С. 70–78.

Шуранова Е.Н. Советы в нэповской деревне: восприятие [сибирскими] крестьянами // Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX веков: сб. материалов Регион. науч. конф. Новосибирск, 2004. С. 184–194.

Шуранова Е.Н. Советская власть как вариант общественного идеала сибирского крестьянства в 1920–1921 гг. // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность. Красноярск, 2005. Вып. 1. С. 231–241.

Сведения об авторе

Шекшеев Александр Петрович,

кандидат исторических наук, член правления Хакасской республиканской организации «Общество Мемориал», Красноярская Епархиальная комиссия по канонизации святых и церковно-историческому наследию, г. Абакан, Республика Хакасия, Российская Федерация, e-mail: Turan47@yandex.ru

Критерии авторства

Шекшеев А.П. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись и иллюстрации к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Shuranova E.N. The attitude of Siberian peasants to Soviet power in 1921–1927. *Sibir': XX vek* [Siberia: XX century]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2007b, vol. 6, pp. 70–78. (In Russ.).

Shuranova E.N. The tips in the NEP village: the perception of [the Siberian] peasants. *Mestnoe samoupravlenie v istorii Sibiri XIX–XX vekov* [The Local self-government in the history of Siberia of XIX–XX centuries: Coll. of the materials of the Region. Scientific. Conf.]. Novosibirsk, 2004, pp. 184–194. (In Russ.).

Shuranova E.N. Soviet power as a variant of the social ideal of the Siberian peasantry in 1920–1921. *Sibirskii subetnos: kul'tura, traditsii, mental'nost'* [Siberian subethnos: culture, traditions, mentality]. Krasnoyarsk, 2005, vol. 1, pp. 231–241. (In Russ.).

Information about the author

Aleksandr P. Sheksheev,

Cand. Sci. (History), member of the Board of the Khakass Republican Organization “Society Memorial”, Krasnoyarsk Diocesan Commission on Canonization of Saints and Church Historical Heritage, Abakan, Republic of Khakassia, Russian Federation, e-mail: Turan47@yandex.ru

Attribution criteria

Sheksheev A.P. performed research work on the basis of the obtained results was carried generalization, drafted the manuscript and illustrations for publication the article, has a copyright and is solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.